Гермиона крепко обняла отца, уткнувшись ему в грудь. Она, мама и Лин-Лин вместе приехали в аэропорт, чтобы проводить его на самолёт до Лондона. Послезавтра он должен будет вернуться к работе в их стоматологическом кабинете, поэтому ему нужно вернуться в Англию. У мамы получилось с кем-то договориться о временной замене, но оба они никак не могли бросить своё дело на несколько месяцев или даже полгода.

— Не волнуйся, тигрёнок, уже в марте я снова буду тут, — сказал отец, обнимая её в ответ.
— Помнится, уезжая в Хогвартс, ты так не дулась, — шутливо заметил он.

— Тогда всё было не так, — пробурчала Гермиона, не разрывая объятий.

Насколько бы странной и суматошной ни стала теперь её жизнь, за одну вещь она благодарила это безумие без всяких оговорок. Полузаброшенный мост семейных уз, что связывал её с родителями, и постепенно разрушался и ржавел, под напором волшебного мира оказался реконструирован. Именно реконструирован, а не отремонтирован, ибо, по мнению Гермионы, невинный и милый мостик её детства превратился в искаженного монстра, который мог спроектировать только поклонник Гигера. А ещё её мама начала переходить этот мост, по шажку за мутагенную таблетку, и это делало Гермиону по-настоящему счастливой. Она всё ещё корила себя за то, что почти пропустила эти ядовитые ростки отчуждённости, поселившиеся в ней со встречи с профессором Макгонагалл, а потом радостно разрослись на богатой почве Хогвартса, но теперь это в прошлом, и Гермиона позаботится, чтобы так и осталось.

«Может, теперь всё и совсем не так, как раньше, но мы снова одна семья и никакие глупости про «магглы никогда не поймут» этого больше никогда не изменят», — решительно подумала она.

Гермиона отпустила отца, дав ему возможность обняться с мамой.

Хотелось растянуть прощание на подольше, но кепка была не самой лучшей маскировкой — да ещё на третий глаз неприятно давило, и рога выпирали — так что им следовало поскорее вернуться в лимузин.

Нет, если она хочет спокойно ходить на людях, ей нужно поскорее овладеть человеческой трансформацией. Дедушка Фухай говорил, что по западной классификации это умение считалось анимагией. Когда волшебники изучают эту магию, они получают способность превращаться в животных, вроде как профессор Макгонагалл в кошку. Для успеха требовалась длительная подготовка и сложные ритуалы, ошибки при исполнении которых могли оказаться смертельны. Кроме того, сама вторая форма диктовалась личностью волшебника, из-за чего было практически невозможно предугадать, какое животное получится в результате.

Ещё несколько столетий назад ёкаи в основном скрывали свои нечеловеческие черты иллюзиями, которые часто оказывались ненадёжны, из-за чего бывало много проблем. Всё изменилось в конце пятнадцатого века, когда Китай наводнили беженцы из Европы, прошедшие по шелковому пути. Они бежали от разрушения магической Валахии, оказавшейся под ударом с разных сторон из-за своей политики мирного сосуществования разных рас (слушая эту историю, Гермиона предположила, что те события должны были сыграть свою роль в становлении Статута Секретности).

Когда часть беженцев добралась до Японии вместе со страшными историями о бесчинствах людей и своим иным волшебством, один ёкайский колдун по имени Тануки Сизаэмон задался целью обезопасить своих детей от возможного преследования. Результатом его работы стало

слияние европейской анимагии и особых преобразующих практик его собственной расы. Эта разработка не нуждалась в особых ритуалах и могла быть выучена в очень раннем возрасте, позволяя любому ёкаю, подобно анимагу-волшебнику, получить уникальную человеческую форму, которую можно было удерживать даже во сне. Единственное, чего особо требовала техника, так это некоторой дисциплины сознания, потому что чуждые человеку мысли или желания часто вызывали обратные преобразования.

— Берегите себя, — сказал отец, разомкнув объятия и, нежно держа маму за руку, посмотрел на Лин-Лин: — Присмотри за ними, хорошо?

— Не волнуйся Росс, я сберегу их, даже если мне придётся пожертвовать своей жизнью, — ответила немёртвая кузина, озорно улыбнувшись ему.

— Хах, один ноль в твою пользу, — рассмеялся он. Последние дни они с Лин-Лин только и делали, что обменивались сомнительными подколками и каламбурами. — Ну, что ж, мне пора.

Проводив его взглядом до пропускного пункта аэропорта, они втроём отправились обратно к лимузину. Дездемоне и Гермионе было пора возвращаться к своим тренировкам.

***

Росс Грейнджер задумчиво разглядывал здание, в котором располагалась юридическая фирма Финч и Блэкроуз. Впечатление оно оставляло… смешанное. С одной стороны, это была совершенно обычная офисная многоэтажка, где, кроме этой юридической фирмы находилась куча других, так что они совершенно не выделялись. С другой, по его опыту «смешиваться с магглами» не входило в привычку у европейских волшебников. Они обычно либо обитали среди своих, либо эпатировали окружающих своими экстравагантными нарядами и поведением, проще говоря, для людей не в теме казались беглецами из психушки или цирка.

«А вообще, чего это я? Дез же предполагала, что мисс Блэкроуз вовсе не волшебница, а самая настоящая суккубка. Во что совсем нетрудно поверить, учитывая её внешние данные, — подумал Росс, вспоминая эффектную блондинку-адвоката. — И если судить по мистеру Стоктону, ёкаи Европы уделяют куда больше внимания человеческому обществу, чем волшебники… хотя тут, возможно, свою роль играет естественное желание хищника знать свои угодья».

Росс решил наведаться сюда ещё во время обратного рейса, позвонил им в понедельник с работы и его записали на приём в среду — в этот день у него как раз оказалось мало пациентов. Фирма была довольно солидная, так что его несколько удивило, как оперативно его приняли, хотя, наверное, этого следовало ожидать с учётом его новообретённых семейных связей.

Войдя в вестибюль, Росс смешался с толпой людей, снующих туда-сюда, и огляделся в поисках лифта. Указатель на доске объявлений рядом со входом гласил, что искомая юридическая фирма находится на десятом этаже. Росс с любопытством отметил, что в тринадцатиэтажном здании выше десятого никаких контор обозначено не было.

«Может, там жилые квартиры? Хм… кажется, на самом верху виднелась стеклянная терраса с зеленью», — припомнил мистер Грейнджер, входя в лифт и нажимая кнопку с цифрой десять.

Приёмная фирмы Финч и Блэкроуз встретила его практически хрестоматийным фасадом международной компании, занимающейся бизнесом и юриспруденцией: современный официальный стиль, но не совсем хай-тек — сочетания чёрных и белых цветов, удобные кресла и журнальные столики.

«Хах, хорошо, что я догадался одеть свой лучший костюм», — хмыкнул про себя Росс, направившись к стойке регистрации.

Что-то в поведении секретаря — молодой и миловидной девушки, одетой точно по принятым стандартам — мгновенно бросилось Россу в глаза. Пожалуй, если бы не недавние приключения с ёкаями и всем прочим, он бы просто не обратил на это внимания, списав на то, что она новенькая и просто ещё не привыкла к своей работе. Сейчас же, глядя на неё, у него возникало ощущение, словно она чувствует себя неуютно в собственной одежде, как будто привыкла носить что-то куда более закрытое и свободное… например, мантию.

— Добрый день, мисс. Меня зовут Росс Грейнджер, у меня назначена встреча с мисс Блэкроуз, — произнёс он, тихо надеясь, что в его тоне не прозвучало ничего необычного.

— Добрый день, сэр. Минутку, пожалуйста…

Девушка начала щёлкать клавишами, а Росс мысленно отметил некоторую неуверенность в её действиях. Не чувствовалось в ней той привычки и доверия к технике, присущую практически любому современному человеку. Скованность, с которой она действовала, скорее, была характерна для стариков, которых научили пользоваться новыми приборами, но сами они так до конца и не приспособились. Это ещё больше утвердило его в мысли, что перед ним ведьма, причём воспитанная в волшебном мире.

— Мисс Блэкроуз готова принять вас, сэр, — наконец сказала секретарша, после чего выудила из-под стола волшебную палочку. — Дукс Спектрум Люмос!

В воздухе возник шарик света, похожий на те, которые Росс пару раз видел в исполнении Гермионы, только этот не цеплялся за кончик палочки.

— Пожалуйста, следуйте за огоньком, сэр. Он доведёт вас до кабинета мисс Блэкроуз, — продолжила секретарша с дежурной улыбкой.

— Благодарю, мисс…?

— Амальтэя Сэлвин, сэр, — представилась она. — Хорошего дня!

— И вам, мисс Сэлвин, — ответил Росс, кивнув ей.

Проходя мимо стойки, он заметил рядом с компьютером Амальтэи желтую книгу из серии «интернет для чайников» и словарь.

Следуя за светлячком, Росс тихо поражался тому, насколько сложно выходцам из волшебного мира влиться в современное английское общество. Нет, он и раньше понимал, что они изоляционисты, но всё равно же живут буквально в шаге от всех остальных! У него просто в голове не укладывалось, что можно настолько отделить себя от всей окружающей культуры. Эта девушка, Сэлвин, судя по поведению и подбору литературы, легко могла сойти за успешную беженку из страны третьего мира.

Пройдя мимо нескольких кабинетов с открытыми дверями, Росс отметил, что на ведущий его

огонёк никто не обращает внимания.

«Они все в курсе дела или… — он оборвал мысль, с задумчивым прищуром уставившись на огонёк. — Ха! Огонёк как будто есть, но ни бликов от стекла, ничего другого, характерного для нормального источника света, нет. Вот зачем «спектрум» в заклинании. Оно создаёт эффект дополненной реальности, а не зажигает физический указатель».

Огонёк довёл его до места и мгновенно исчез, а световая панель рядом с дверью кабинета сменила цвет с красного на зелёный. Росс уже собрался постучать, но дверь отворилась сама, пропуская его внутрь. Когда он вошел, Ишэт Блэкроуз закрыла папку с документами и отложила её в сторону. Стеклянный стол, за которым она сидела, открывал прекрасный вид на её идеальные ноги. Интерьер кабинет намекал посетителям каждой своей деталью, что время хозяйки стоит дорого и лучше об этом не забывать.

Но отнюдь не показная важность выбила Росса из колеи, даже несмотря на то, что скромному, хоть и преуспевающему, дантисту, здесь делать явно было нечего.

Мистер Грейнджер уже предполагал истинную видовую принадлежность Ишэт Блэкроуз, но увидеть её настоящий облик воочию — это совсем иное. Сразу стало понятно, почему она выбрала мягкий табурет, а не стул или кресло. Спинка явно помешала бы её изящным кожаным крыльям и милому хвостику с плоской стрелкой, который сейчас мягко покачивался под столом. А ещё, у прекрасной… дьяволицы, были прелестные острые ушки.

— Добрый день, мистер Грейнджер, — произнесла Ишэт, поднимаясь из-за стола ему навстречу.

Взгляд Росса невольно прикипел к её фигуре. А сами движения… тогда в аэропорте, это не так бросалось в глаза, но сейчас каждый шаг Ишэт Блэкроуз источал такой заряд эротизма и грации, что любой мужчина с правильной ориентацией должен был мгновенно начать думать не той головой.

К счастью, один сон, который посетил Росса во время обратного полёта в Англию, помог ему легко избавиться от искушения. Основным действующим лицом в нём была его прекрасная супруга, только в полном обличье фомора и бикини-доспехах, прямиком из творчества Фрэнка Фразетты. Дездемона потрясала здоровенным двулезвийным топором и яростно рычала «Кровь и души для лорда Ариоха!»

— Добрый день, мисс Блэкроуз, но, пожалуйста, зовите меня Росс, — сказал он, мысленно поблагодарив лордов Хаоса за чудесный стимул для самообладания.

— А у вас хороший самоконтроль, Росс, это радует, с такими людьми проще работать, — произнесла Ишет, лучезарно улыбнувшись. Её поза неуловимо изменилась, мгновенно понизив градус сверхъестественного очарования. Она всё ещё буквально лучилась сексуальностью, но теперь эта аура уже не сбивала с ног. — Ну, давайте я сразу отвечу на стандартный набор вопросов, чтобы не тратить время попусту. Да, я суккуб. Нет, о рае и аде у меня не больше знаний, чем у вас или кого-либо другого на планете. И вообще, во время переписи 2001 года в графе «религия» я вписала джедаизм, хотя технически предпочитаю ситхов. Как можно догадаться, страсть очень близка мне и моим родичам. Кстати говоря, мне очень понравилось выступление Аль Пачино в фильме, о которым вы наверняка вспомнили при словосочетании адвокат-суккуб — произнесла она, возвращаясь к столу, и жестом приглашая Росса присесть напротив. — Итак, чем я могу вам помочь?

— Есть несколько моментов, которые необходимо прояснить, — произнёс Росс, присаживаясь.

— В первую очередь, мне хотелось бы знать, как обновить в министерстве… эм… статус крови моей жены.

— Хм, я предполагала, что информация о магическом опекунстве может подтолкнуть вас к этому решению, — задумчиво кивнула Ишет. — Но для того, чтобы принять взвешенное решение, вам сперва нужно побольше узнать о тонкостях культуры волшебного мира… Давайте так: спрашивайте меня обо всём, что придёт в голову, а я постараюсь ответить. Если вы затронете какие-то табу, то я сразу сообщу.

— Что ж, хорошо, — согласился Росс. — Так как же сменить статус крови, и что это повлечёт за собой?

— Сама по себе смена статуса труда не составит, хотя и в этом деле найдётся несколько подводных камней, впрочем, как везде и во всём. Но в первую очередь давайте поговорим о классификации, которую использует министерство магии. Когда изменения будут официально приняты, ваша жена будет проходить по документам как магическое существо, что, согласно законам волшебников, означает «любые существа, наделённые магией и обладающие достаточным интеллектом для понимания законов магического сообщества и, как следствие, способные нести осознанную ответственность за их нарушение». Думаю, вы понимаете, что у многих, подпадающих под это определение, найдётся несколько критических замечаний к его формулировке. Например, британские русалы и кентавры активно отрицают свою принадлежность к существам, но в их случае это, в основном потому, что они не желают быть объединены в одной графе с «тёмными существами» вроде меня.

— Полагаю, вы тоже не горите желанием называть себя «тёмными существами»? — спросил Росс.

— Так нас называют волшебники и активно препятствуют нашим попыткам изменить его на официальном уровне. Обобщающее название, причём избранное нами самими, вынуждает воспринимать нас как единую группу, а в министерстве совсем не любят обдумывать столь скользкие темы, — ответила Ишет, раздраженно дёрнув плечом. Похоже, политический климат в скрытом обществе был действительно напряжен, раз уж даже профессиональный адвокат не прятал своё отношение за нейтральной маской. — Сами себя мы, конечно, так не называем — чтобы принимать подобные ярлыки, нужно совсем себя не уважать, — но и азиатские термины вроде ёкай, тоже не используем. — Она слегка усмехнулась и добавила: — По правде говоря, у нас с вашей супругой схожие вкусы на имена. В конце концов, Шекспир писал «Сон в летнюю ночь», основываясь на историях, которые ему рассказали выходцы из наших общин.

— Ага, значит, если я назову вас феей неблагого двора, вы не обидитесь? — шутливо спросил Росс, вскинув брови.

Ишет тихо фыркнула.

— Фейри было бы лучше, в конце концов, никому не хочется, чтобы нас путали с диснеевской Динь-Динь, — ответила она с весёлой улыбкой. — А дворов мы вообще не придерживаемся… ладно, вернёмся к юридическим тонкостям. Как фомор ваша жена будет обладать большими правами, чем как человек, но всё равно не тождественными тем, которыми пользуются волшебники. Законы волшебного мира не выделяют её вид конкретно, но всё равно в них есть чёткая граница между нами и «людьми», обладающими магией. Это в некоторой степени сравнимо с законами, относящимися к коренным племенам в США. По сути, наше «Бюро по делам индейцев» называется «Отдел регулирования магических популяций и контроля над ними».

— А что, если волшебники поймут, что она одна из Древних? — спросил Росс, вспомнив то, что Микогами рассказывал ему о историях волшебников, относящихся к его народу. — Сдаётся мне, в этом не будет ничего хорошего.

— А вот тут всё не так однозначно, — сказала Ишет, облокотившись на стол и сложив руки домиком. — Многое будет зависеть от уровня самообмана, на который пойдут люди, наделённые властью. Учитывая опыт нашего почтенного министра Корнелиуса Фаджа в таких делах, я смею надеяться, что в этот раз он превзойдёт сам себя. Большинство менее значимых функционеров министерства будут только рады игнорировать вашу семью ради собственного душевного комфорта, если, конечно, вы не будете раскачивать их уютный мирок. Признание того, что существуют настоящие фоморы, это всё равно, что признать, что в старых сказках есть зерно истины, а это значит, что когда-то волшебники были не более чем рабами народов, магически превосходящих их. Конечно, всегда были любители старины, принимающие правду такой, какая она есть, но их уже давно воспринимают так же, как среди людей охотников на НЛО. В наше время общественное признание чего-то подобного может потрясти сами основы магического общества, а на это они никогда не пойдут.

Чем больше Росс слушал, тем сильнее хмурился. Такое положение дел просто не могло не вызывать серьёзных опасений.

— Тогда насколько вероятно, что министерство попытается решить проблему радикально? — спросил он, озвучивая свои страхи.

— На данный момент не слишком, — успокаивающе ответила Ишет. — Нынешняя глава департамента магического правопорядка Амелия Боунс женщина очень строгих взглядов. Если кто-то попытается протащить через её вотчину подобный план, то окажется в Азкабане быстрее, чем успеет произнести «ради общего блага». По иронии судьбы, сторонников Волан-де-Морта в правительстве вам стоит опасаться ещё меньше. Систематическое внушение со стороны их лорда сделало этих волшебников легко восприимчивыми к идее преклонения перед высшим существом. Даже если он возродится… проявите достаточно силы, и его лагерь расколется на фанатичных лоялистов и тех, кто понадеется достичь большего в служении вашей семье. Нет, реальная проблема это те, кто считает, что нынешний статус-кво идеален и его необходимо поддерживать любой ценой. Например, глава «Сектора борьбы с неправомерным использованием магии» Долорес Амбридж. Эта конченая расистка ненавидит фейри даже больше, чем людей. Мне частенько приходится защищать членов нашего сообщества от её, практически беззаконных, нападок.

— А как же Дамблдор? Мой тесть отзывался о нём весьма нелестно.

— Дамблдор… — Ишет вздохнула. — Это очень сложный вопрос. Мы все смотрим на мир через призму личного опыта, и с таким сложным человеком, как Альбус Дамблдор, результаты такого подхода могут стать… спутанными. Микогами-сама является гениальным стратегом и политиком, способным жонглировать сотней заговоров и секретов, не отрываясь от чтения бульварного романа, но за свою долгую жизнь он видел худшее, что могут предложить жители этой планеты, люди и нелюди. Хотя об этом и не стоит спрашивать его самого, но он был в Нагасаки, когда упали бомбы… единственный выживший среди тысяч мертвецов. Несмотря на всё пережитое, ему удалось остаться хорошим человеком, но… у него осталось немного веры в разумных, наделённых властью, с которыми он не знаком лично.

На кабинет опустилась звенящая тишина. Росс уставился перед собой, захваченный видением Тенмея Микогами, стоящего на руинах города, разрушенного ядерным ударом и, несмотря на все свои силы, неспособного ничем помочь ни мертвым, ни умирающим.

В себя он пришел, только когда мисс Блэкроуз протянула ему стакан виски.

— А… спасибо, — поблагодарил её Росс, после чего сделал большой глоток янтарной жидкости.

Ишэт молча кивнула и вернулась на своё место.

— Лично я думаю, что Дамблдор это человек, который был бы рад остаться простым учителем, но стал жертвой истории, — продолжила суккуб, немного пригубив из собственного стакана. — Прославившийся за своё участие в магической стороне Второй Мировой, он так и не смог уйти с пьедестала, на который его вознесли европейские волшебники. Проблема в том, что, в конце концов, это положение привело его к мысли — возможно, даже неосознанной — что среди волшебников у него нет равных партнёров. Делает ли это его злодеем? Вряд ли. По-моему, он всегда стремился к добру, но совершал ошибки, во многом из-за того, что обычные волшебники ожидали от него слишком многого. Как и Микогами, его сформировали ужасы войны, хотя в его случае это привело к одержимости минимизацией потерь и предоставлением вторых шансов даже тем, кому их давать не стоит.

— Минимизация… — протянул Росс, словно пробуя слово на вкус. — Пожертвует ли он немногими, чтобы спасти многих?

— Если он не увидит иного решения… то да, думаю, пожертвует.

Росс беззвучно кивнул, принимая её ответ. Они помолчали.

— Ладно, у меня есть последний вопрос на эту тему, — вздохнув, произнёс Грейнджер, временно отгоняя сумрачные мысли. — Какие проблемы можно ожидать со стороны Малфоя? Нам с Дездемоной как-то довелось встретить его вместе с сыном, это было… не слишком приятное знакомство.

— Хм, официально Люциус Малфой богатый меценат, который всеми силами лоббирует позицию чистокровных в Визенгамоте и министерстве. Неофициально можно с высокой долей вероятности сказать, что в своё время он являлся приближенным Волан-де-Морта, но оказался достаточно умён и изворотлив, чтобы оправдаться перед судом, ссылаясь на то, что находился под заклятием контроля разума. Защита на самом деле довольно хлипкая, но ему сопутствовал успех. Не знаю почему. Возможно, тут свою роль сыграло желание Дамблдора давать людям вторые шансы. Психопрофиль почти исключает вероятность того, что Люциус социопат, но он явно создал для себя систему ценностей, в которой все, кроме чистокровных волшебников, являются недочеловеками.

Росс решил не заострять внимание на том, что Англия не так давно сражалась в войне, где другая сторона проповедовала очень похожие воззрения. Как волшебники, так же участвовавшие в этом конфликте, не провели параллелей с идеями чистокровности, было выше его понимания. Впрочем, он слишком мало знал о том, как проходила магическая сторона Второй Мировой. Этот пробел в знаниях стоило устранить.

— А что насчёт его сына? — вместо этого спросил Росс. — Судя по рассказам Гермионы, он до ужаса избалованный мальчишка.

— На него у меня не слишком много информации, — призналась Ишет, — но мои люди работают над этим. Микогами-сама попросил меня составить схему векторов угроз для вашей дочери и юный Драко, безусловно, входит в список наших интересов. На первый взгляд, он действительно просто избалованный ребёнок, привыкший получать всё по первому требованию, но кое-что не сходится. Даже если его родители конченые фанатики, они оба так

же являются опытными политиками с железной хваткой, кроме того, Северус Снейп приходится ему крёстным отцом. Да, учитель он препаршивый, Ами — моя секретарша — рассказывала о нескольких ужасных занятиях и от преподавания там очень мало. Однако по тем же историям видно, что он проявляет черты отличного специалиста в своей области. Даже, скорее, исследователя-новатора, которому было бы куда лучше подальше от детей. Он очень требователен и резок. Сомнительно, что такой человек стал бы терпеть незрелые шалости на своём уроке, тем более, от своего крестника. Тут должна быть какая-то подоплёка, которую сходу не разглядеть.

http://tl.rulate.ru/book/30207/755621